

DOI: 10.12731/2576-9782-2022-1-59-73
УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ

Ю.В. Козлова

Целью данной работы является обоснование изучения современного города как системы, определение основных направлений исследования социальных процессов города в категориальной и методологической схеме эпистемологии. Обоснованием актуальности такого подхода является нарастающая социальная дифференциация в городах, поляризация местных сообществ. Город, как ключевая форма общественной системы в своем предметном и коммуникативном пространстве, создает объекты и процессы для горожан, но не всегда дает возможность участвовать в этом созидание и выразить свое отношение к нему. Научное производство, направленное на получение новых достоверных знаний о городской системе, ориентированное на познание социальных процессов и явлений, а также на исследование самого этого познания – является тем ресурсом, который позволил бы улучшить качество жизни горожан и оптимизировать их взаимодействие с муниципальными структурами, изменить гражданскую позицию.

Методы исследования, примененные в работе: сравнительно-исторический, феноменологический, структурный, функциональный, а также системный подход.

Результаты работы заключаются в определении тех познавательных категорий (проблема, теория, факт, метод), на которых необходимо строить продуктивное и достоверное урбанистическое исследование, выявлении роли знания в конструировании городских явлений, характеристике «сопротивления исследуемого объекта». Результаты исследования могут применяться как в разработке

отдельных феноменологических аспектов социологии города, так и для урбанистического проектирования

Ключевые слова: *городская система; социология города; эпистемологическая урбанистика; право на город; метаисследования; интеллектуальная сеть; социальное неравенство; социальная справедливость*

SOCIAL JUSTICE IN THE CONTEXT OF EPISTEMOLOGICAL URBANISM

Yu. V. Kozlova

The purpose of this work is to substantiate the study of the modern city as a system, to determine the main directions of the study of the social processes of the city in the categorical and methodological scheme of epistemology. The rationale for the relevance of this approach is the increasing social differentiation in cities, the polarization of local communities. The city, as a key form of the social system in its subject and communicative space, creates objects and processes for citizens, but does not always give the opportunity to participate in this creation and express their attitude to it. Scientific production aimed at obtaining new reliable knowledge about the urban system, focused on the knowledge of social processes and phenomena, as well as the study of this knowledge itself, is the resource that would improve the quality of life of citizens and optimize their interaction with municipal structures, change their civic position.

Research methods *used in the work: comparatively-historical, phenomenological, structural, functional, as well as systematic approach.*

The results of the work *are to determine those cognitive categories (problem, theory, fact, method) on which it is necessary to build a productive and reliable urban research, to identify the role of knowledge in the construction of urban phenomena, to characterize the “resistance of the studied object”. The results of the study can be used both in the development of individual phenomenological aspects of urban sociology and for urban design*

Keywords: *urban system; sociology of the city; epistemological urbanism; right to the city; meta-research; intellectual network; social inequality; social justice*

Городская среда изменчива во времени и пространстве, но в еще большей степени она изменчива в восприятии человека, будь то рядовой горожанин, гость города или профессиональный исследователь. Человек является творцом, субъектом городской среды, оставаясь ее элементом, ее социальным продуктом. Тем не менее, антропологический междисциплинарный подход, в том числе культурологическая урбанистика, не в полной мере очерчивают проблемное поле взаимодействия горожанина и городской среды [3].

Актуальными задачами представляются следующие:

- найти общетеоретическое, эпистемологическое обоснование исследований современного города, которое преодолет ограничения дисциплинарных исследований и позволит эффективно решать реальные социальные проблемы;
- обозначить первоочередные направления развития городского пространства, изучение которых раскроет потенциал такого подхода;
- определить возможности системных научных исследований городских систем в области достижения социальной справедливости и реализации права на город.

Урбанистика, как исследовательская область, рассматривает город как систему, вписанную в макросистемы (региона, страны, мира), в историческом и экономическом контексте [9]. Однако, для реализации потенциала урбанистической науки, необходим методологический фундамент, на основе которого отдельные исследовательские направления, изучение феноменологии многоуровневой городской среды, могли бы развиваться целостно, во взаимодополнении, помогая прогнозировать процессы и планировать векторы развития.

В настоящее время континуум большого города представляет собой сложный для исследования объект, поскольку каждый участник коммуникации конструирует свою модель города или его устойчивый образ,

используя шаблоны собственных представлений, идей, ожиданий. В итоге городская система трактуется в терминологии экономики, права, геополитики, коммуникативистики, культуры, психологии, не приобретая собственной целостной понятийной схемы и терминологического аппарата. В итоге урбанистические исследования нередко становятся междисциплинарными с акцентом в одну из научных областей.

Вместе с тем функциональная навигация по смысловому полю урбанистики так же необходима как навыки ориентации в реальном, материальном городском ландшафте с его системой формальных и личных связей.

Процесс планомерного, систематического производства принципиально новых социальных знаний, отвечающих критерию научности, базируется на структурировании вокруг объекта и предмета исследования проблемы, теории, фактов и методов [14, с. 64-66]. Отсутствие или преобладание одного из этих 4-х компонентов, является объективным для точных и естественных наук. Для социально-гуманитарных же неравносность разработки проблемы и концепции, обоснования методологии и доказательной основы исследования остается на усмотрение исследователя, определяется общественной конъюнктурой и даже рассматривается в качестве дискурса авторской исследовательской модели. В то время как речь идет о «сопротивлении предмета исследования» в лице представителей власти, корпораций или заинтересованных лиц. Антитезой такому положению являются «метаисследования», позволяющие оценить качество полученных данных и аналитических выводов [20].

Мейнстримсоциология, например, базируется на категории «субстанция социальности» (социальные факты и действия, практики, коммуникации), многообразии проявлений каждой из субстанций, позволяет исследователю отграничить социальные явления от всех других и создать авторскую концепцию социальности. Базисом таких концепций является идея о том, что полная и достоверная характеристика субстанции или их сочетания, позволит приблизиться к пониманию сущности социальных явлений, к объективному, истинному знанию о нем [6].

Антиэссенциализм [11], [12] рассматривает все изучаемые явления как равные и рядоположенные, а социальность – как неоднородную сеть, все уровни которой равноправны (как сети в природном микро и макромире, в цифровых системах).

Синергетическая целостность (группа, общество, экономическая общность), преобразующая качество элементов, создающая и разрушающая связи, существует по рекурсивному принципу. Поэтому в крайнем своем проявлении, в акторно-сетевой теории, на смену объективным (общество, культура) приходят посреднические явления. Таким образом, отрицание существования объектов, их автономии, приводит к идее о том, что знание идентифицирует, конструирует внешние явления.

При этом важна идея неопределенности социального, его избыточности по отношению к применяемым категоризациям и описаниям [10], а также дифференциация понятийной и бытийной реальностей, сохранение объективности и критичности исследователя по отношению к изучаемому объекту. В противном случае познание догматизируется, становится неспособным к рефлексии и созданию объяснительных структур, дезориентирует исследователя.

Возвращаясь к актуальному запросу на изучение городской социальности, следует иметь в виду, что в современной урбанистике существуют сложившиеся направления [4, с. 183]. Это обоснование агломераций и освоение пригородных территорий, формирование так называемых «посткоронавирусных городов и ряд других.

Темпоральный подход моделирует город как континуум, поддерживающий пространственно-временную преемственность и включающий набор удобных локаций для определенных видов деятельности.

Социокультурный подход акцентирует объединяющие локации, предназначенные для коммуникации, обмена и поддержки. В том числе в традициях соседства.

Тренд универсального дизайна направлен на комфортизацию всех категорий жителей и создание для них такой повседневности, где городские объекты равнодоступны для всех [4, с. 182-183]. Часть

из них была взята за основу концепции «Доступная среда» еще в 2011 году, и тем не менее в настоящее время остаются нерешенные проблемы, связанные с доступностью.

Несомненно, что право на производство и присвоение элементов городского пространства, «право на город» [20] в современной его трактовке, часто реализуется в конфликтном взаимодействии территориальных сообществ с городскими субъектами [2].

Сами городские сообщества формируются и осознают себя как субъекты конфликтов, заинтересованные в сдерживании конфронтации и поиске решений ресурсных и институциональных проблем, которые по каким-либо причинам не могут решить представительная власть и общественные организации. Интеграция их в социальное пространство города не происходит, так как формально, объекты конфликтов находятся в ведении государственного управления.

В этой связи интересен диаметральный вариант - проект «частного города», изначально созданного как собственности корпорации и по ее бизнес-плану. Модель, предложенная П. Ромером в 2009 году [21] в крайнем варианте предусматривала управление городом на основе экономического и политического договора и свободу от законодательства страны в которой находится такой город.

В полном объеме эта идея не была воплощена, но существуют такие города как Celebration в американской Флориде, принадлежащий корпорации The Walt Disney и представляющий бизнес-модель. Город Лаваса в западной Индии, принадлежит собственнику строительной компании Аджиту Гулабчан и объединяет принципы нового урбанизма с экологичностью и бизнес-возможностями. Еще один вариант – умный город Неом в Саудовской Аравии, создающийся средствами международных инвесторов для реализации туристических и торговых проектов.

Подобные примеры иллюстрируют ограниченность социального проектирования на основе прагматических знаний и утилитарных идей, город, построенный как промышленное или медийное производство, остается замкнутой системой, требующей поддержки и контроля создателя. При этом «искусственность», одномерность таких

городов не уравнивается улучшенными условиями жизни (комфортная для жизни природная среда, уровень доходов, современная инфраструктура). Не компенсируется она и наличием социально поощряемой идеи, например, связанной с университетской культурой и внедрением научных инноваций, при условии, что учредителями проекта являются госструктуры, а жители готовы соблюдать дополнительные по отношению к федеральному законодательству, договорные обязательства, в том числе финансовые (научный город Сколково в Подмоскowie, Новосибирский Академгородок в тайге и наукоемкий Иннаполис в Казани).

Город-проект, существующий при поддержке частных лиц, корпораций или государства не включен в полной мере в экономико-географические связи региона, страны и мира, он остается экспериментом с фиксированным набором переменных. В возникновение таких городов – свидетельство того, что современная урбанистика, социология города, комплексная наука о формировании и развитии городских систем находится в начале своего становления. И ориентирована она должна быть:

- на выработку целостной методологии познания городских процессов;
- создание эффективного инструментария изучения городских систем;
- характеристику актуальных процессов и явлений, характеризующих город в контексте собственной терминологической схемы, не сводимой к культурологической, управленческой, экономической, градостроительной, дизайнерской или какой-либо другой.

Впрочем, перечисленные задачи необходимо конкретизировать и решать не только по отношению к вновь создаваемым, «проектным городам». Мегалополисы и малые города в настоящее время сталкиваются с многочисленными проблемами, решение которых в соответствии с *принципом социальной справедливости* невозможно без функционального исследовательского инструментария, которой поможет выявлять скрытые детерминанты, прогнозировать и моде-

лизовать процессы, принимать действительно лучшие решения из возможных. Перечислим некоторые из них.

Очевидно, первоочередным направлением является развитие инфраструктур, реализации права на город у наименее благополучных, ресурсных и защищенных его жителей, взаимодействие с местными властями.

Инфраструктурные надежды, повышающие ценность собственности, мотивирующие к реализации желаемого образа жизни, связаны с тем, что жилой комплекс дает своим будущим жителям обязательства, а впоследствии, взамен ожидаемого «обрастания» инфраструктурой и приобретения более высокого статуса, они оказываются втянуты в конфликт с собственниками, девелоперами и местными властями.

Долженствование, реализация социальной справедливости, равенство перед законом и разделение ответственности – являются движущей силой изменений и создания поддерживающей среды, для реализации интересов простых жителей. То есть инфраструктура становится реальным, логичным конструктом, результатом договорного и подчас конфликтного процесса. И этот реальный конструкт, элемент ландшафта – соответствует функциональной модели взаимодействия горожан, представителей муниципальной власти и бизнеса, сложившейся в процессе создания инфраструктуры [5].

Другим значимым направлением «эпистемологической урбанистики» можно назвать городской и градозащитный активизм, возникший на рубеже советского и рыночного этапов. Это активность горожан, направленная на изменение социальной (а также материальной и культурной) реальности своего города [13, с. 254], формирование городского пространства «снизу», исходя из насущных запросов, в соответствии с собственными представлениями. Это движение, с одной стороны, является элементом «микropolitики», первоосновой общественной жизни, а с другой, трансформирует социально инертных обывателей в сознательных горожан. Действенное осознание своих возможностей и последствий активности инспирирует групповые процессы, формирует локальные общно-

сти. Это явление обыденной общественной активности, известное с античных времен, закреплено, например в словах «политика» (деятельность от имени и во благо своего полиса), «городовой», «полицейский». Созидательный городской активизм, связанный, с экологическими или инфраструктурными проектами граждан позволяет создавать уникальные объекты, смыслы и формировать локальную историю. Протестный и защитный – выражать мнение большинства и участвовать в принятии общих решений. Современный город как раз и является той реальной лабораторией, в которой формируется экономика и политика, он представляет собой не общество в миниатюре, а общество как оно есть, с новациями, но и с отчуждением, с совершенствованием управления, но и девальвацией глобальных и локальных ценностей. Общественные пространства города и есть те реальные места, в которых происходит диалог граждан и государственных институтов [13, с. 262-263].

Третьим важным направлением может стать формирование языкового ландшафта городов, отражающего уникальную систему групп и сообществ, мультикультурное наследие и историческое прошлое, является так же одним из аспектов развития городского пространства.

Сохранение или утрата этнического многообразия, формирование сбалансированной языковой среды, и глобализация и вестернизация, все это реализуется именно в реальном городском пространстве. Более того, язык как социальный институт формирует опыт, мышление и культуру. Именно живой, применяемый в социальной практике язык и несет нормативную, коммуникативную и регулятивную функции, включает в себя внешние (представленные в материальном пространстве города наружная реклама, вывески, указатели, стенды) и внутренние аспекты (официальные документы, местные масс-медиа) городской среды [1].

Перечисленные явления городской жизни являются лишь некоторыми из актуальных на нынешнем переходном этапе, с его высокой неопределенностью, напряженностью и жизненным ритмом, так называемой «текучей современностью» [7]. Они представлены в

качестве иллюстрации противоречия между высокой значимостью и востребованностью социологических знаний и их низким статусом в современном мире. Новые условия ставят перед выбором – накапливать ли и дальше фактический материал, конструируя на его основе объяснительные схемы и концепции локального характера и недолгим сроком жизни. Или же приблизиться к изучению городской системы на метауровне, формируя необходимую методологию и научную сеть [8].

Стоит подчеркнуть, что подобная цель не является исключительно научно-исследовательской, а напрямую связана с социальной справедливостью и социальным неравенством. Отсутствие универсальных и рабочих инструментов изучения жизни в городе и интегративных исследований, привело к тому, что города развиваются технологически и экономически, количество городского населения растет, аккумулируемые в них ресурсы все увеличиваются, но пространство города остается социально-дифференцированным и эта тенденция не меняется на протяжении десятилетий [15].

Д. Харви, один из авторов концепта «права на город» в своей недавней работе «Социальная справедливость и город» [17] представляет дальнейшее развитие этого права, за пределами политических и социальных протестных движений, в контексте новой общей теории города, которая связывала бы его социальные процессы и пространственные формы. Социология, антропология, география и экономика, и планирование города с целью уменьшения социального неравенства обосновывают и институализируют в пространстве города его будущие социальные процессы и нормы, создают для этого урбанистический «метаязык» [17, с.28-32]. Право на город делает урбанистические исследования средством самоосознания и самоизменения общества в процессе изменения города. Ключевой вопрос, связанный со справедливым распределением разных видов ресурсов, в том числе и достоверной информации, власти, свободы, человеческого и природного потенциала, в этом случае решается, по мнению Харви, именно в процессе урбанизации, путем обоснования и применения общественного права, общих интересов [17, с. 399].

Заключение

1. Исследование социальности в современном мире, прежде всего городской социальности, связано с формированием новой, неангажированной «эпистемологической урбанистики», формированием соответствующего эпистемологического сообщества, экспертной сети, объединяющей людей для научной деятельности не ради общей выгоды, а ради общего блага, в этом случае их мотивацией является производство знаний и идей, совершенствование общественного устройства, нормативного регулирования общественной жизни и связанные с этим самоуважение и самооценка [18].

2. Формирование социальности, гражданственности происходит прежде всего в реальном жизненном пространстве, локальные контексты и смыслы служат основой личностной и групповой идентификации, гражданской позиции, поэтому проектирование и развитие городской среды – процесс взаимодействия гражданина и власти, проблемы, возникающие на этом пути, характеризуют состояние общественной системы.

3. Концепты «права на город», его созидание и присвоение стали актуальны еще во второй половине XX века [16], получив дальнейшее развитие в концепции научной сети [8] и, собственно эпистемологического сообщества [22], [23], в котором академические и профессиональные эксперты были бы объединены на уровне нормативных убеждений и дисциплинарно-значимых проблем, имели схожие понятия о достоверности знаний и способа их получения в своей области, а также сходные идеи о практиках, способных повысить благосостояние людей. Таким образом, исследовательский процесс стал бы компонентом «городского проектирования», реализации права на город и социального равенства всех основных акторов взаимодействия, горожан, представителей местных сообществ, управленческих и бизнес-структур, ученых и представителей профессиональных элит.

Список литературы

1. Баранова В. В. Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство / В. В. Баранова, К. С. Федо-

- рова // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 625-640.
2. Глухова А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239-252.
 3. Димитриади Е. М. Визуальная урбанистика: определение понятия, проблемы / Е. М. Димитриади, О. С. Сапанжа // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2 (66). С. 84–91.
 4. Зайцев Д. В. Инклюзивные тренды городского развития: темпорально-пространственные социальные практики / Д. В. Зайцев, О. В. Зайцева, В. Н. Ярская-Смирнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 181-191.
 5. Запорожец О. Н. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах / О. Н. Запорожец, Я. А. Багина // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 269-284.
 6. Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 109-130.
 7. Козлова Ю. В. Концепт глобального города в условиях социальной мобильности и текущей современности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3(63). С. 102-110.
 8. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 1284 с.
 9. Кругман Пол Робин Выход из кризиса есть! [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. Москва : Азбука Бизнес, 2013. 318 с.
 10. Куайн У. От стимула к науке. Москва: Канон+, 2016. 192 с.
 11. Латур Б. Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.
 12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.

13. Паченков О. В. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) / О. В. Паченков, Л. В. Воронкова // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 253-268.
14. Ракитов А. И. Эпистемология социально-гуманитарных наук / А. И. Ракитов // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 63-71.
15. Троцук И. В. Справедливость как критерий оценки «качества» городского пространства (и счастья его жителей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 704-714.
16. Фуко, 1977 – Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., Прогресс, 1977. 488 с.
17. Харви Д. Социальная справедливость и город / перевод с английского Е.Ю. Герасимовой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
18. Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy co-ordination // International Organization. 1992. Vol. 46. № 1. P. 3.
19. Haas P. M. Knowledge, Power and International Policy Coordination. Columbia, 1997.
20. Lefebvre H. Writings on Cities. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1996.
21. Romer P. Technologies, Rules, and Progress: The Case for Charter Cities. 2010.
22. Ritzer G. Explorations in Social Theory: from Metatheorizing to Rationalization. Sage Publications Ltd, 2001. P. 80.
23. Vähämaa Miika. Groups as epistemic communities: social forces and affect as antecedents to knowledge // Social Epistemology. Taylor and Francis. 2013. Vol. 27 (1). P. 3–20.

References

1. Baranova V. V., Fedorova K. S. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 625-640.
2. Glukhova A. V., Kol'ba A. I., Sokolov A. V. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 239-252.

3. Dimitriadi E. M., Sapanzha O. S. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2021, no. 2 (66), pp. 84–91.
4. Zaytsev D. V., Zaytseva O. V., Yarskaya-Smirnova V. N. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 181-191.
5. Zaporozhets O. N., Bagina Ya. A. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 269-284.
6. Kerimov T. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 109-130.
7. Kozlova Yu. V. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, 2021, no. 3(63), pp. 102-110.
8. Kollinz R. *Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of philosophies: a global theory of intellectual change]. Novosibirsk: Sib. khronograf, 2002, 1284 p.
9. Krugman Pol Robin *Vykhod iz krizisa est'!* [There is a way out of the crisis!]. Moscow : Azbuka Biznes, 2013, 318 p.
10. Kuayn U. *Ot stimula k nauke* [From Stimulus to Science]. Moscow: Kanon+, 2016, 192 p.
11. Latur B. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 79–96.
12. Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory]/ Per. s angl. I. Polonskoy; Pod red. S. Gavrilenko; NIU VShE. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014, 382 p.
13. Pachenkov O. V., Voronkova L. V. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 253-268.
14. Rakitov A. I. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 63-71.
15. Trotsuk I. V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 704-714.
16. Fuko, 1977 – *Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities]. Moscow: Progress, 1977, 488 p.
17. Kharvi D. *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Social justice and the city]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 440 p.
18. Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy co-ordination. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 1, p. 3.

19. Haas P. M. Knowledge, Power and International Policy Coordination. Columbia, 1997.
20. Lefebvre H. Writings on Cities. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1996.
21. Romer P. Technologies, Rules, and Progress: The Case for Charter Cities. 2010.
22. Ritzer G. Explorations in Social Theory: from Metatheorizing to Rationalization. Sage Publications Ltd, 2001. P. 80.
23. Vähämaa Miika. Groups as epistemic communities: social forces and affect as antecedents to knowledge. *Social Epistemology*. Taylor and Francis, 2013, vol. 27 (1), pp. 3–20.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Козлова Юлия Владиславовна, кандидат психологических наук,
доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31А, г. Нижний Новгород, Нижегородская обл.,
603155, Российская Федерация
iris08@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kozlova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
31A, Minin Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region,
603155, Russian Federation
iris08@yandex.ru
SPIN-code: 8004-0927
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7124-5633>

Поступила 20.04.2022

После рецензирования 25.04.2022

Принята 28.04.2022

Received 20.04.2022

Revised 25.04.2022

Accepted 28.04.2022